

Н.Н. Златовратский

Крестьяне-присяжные

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Златовратский**
Крестьяне-присяжные / Н.Н. Златовратский – М.: Книга по Требованию,
2013. – 193 с.

ISBN 978-5-458-16248-7

ISBN 978-5-458-16248-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Напутствіе.

Къ началу ноября пришла очередь выставить присяжныхъ въ „округу“ — такъ у насъ называютъ окружной судъ и вмѣстѣ губернской городъ, — за подгородными волостями уѣзднаго городка П., лежащаго въ палестинѣ, омываемой водами Оки и ея притоковъ. Въ ихъ числѣ была и Пѣньковская, отъ которой на этотъ разъ „въ череду“ значились: Лука Трофимовъ — мужикъ обстоятельный, уже разъ бывший присяжнымъ, значить въ такомъ дѣлѣ совѣтчикъ первый, Петръ Спиридоновъ, да Савва Прокоповъ, Еремѣй Петровъ, да Еремѣй Горшокъ — народъ все-хозяйный и въ лѣтахъ умѣренныхъ; изъ стариковъ только одинъ и попалъ Омушка, да и то занесли его въ очередные списки въ послѣдній разъ, по нуждѣ, за сына: избу сыну нужно править, лѣсъ возить, погорѣли они несчастнымъ дѣломъ. Потомъ значились: Дорофей Бычковъ, мужикъ базарный, ловкій, и Петръ Недоуздокъ, крестьянинъ „правильный“, богобоязненный и даже состоявшій въ недавнее время сотскимъ.

Приказали на Михайловъ день собираться. Порѣшилъ мѣръ на сходѣ: считать по три пятака на брата въ день ¹⁾. На подводы не полагается, потому до своего города можно пѣшкомъ дойти, а тамъ по шоссе—какъ ни то со Христомъ, а гдѣ и съ обозами, при случаѣ. А лошади дома нужны лѣсъ возить, да и содержаніе ихъ въ городѣ дорого стоитъ.

Въ Михайловъ день очередные собрались въ волостное правленіе, совсѣмъ снарядившись въ путь: мѣшки за спины подвязали,—въ нихъ бабы по обмѣнѣ положили, по рубахѣ, да по портамъ, и потискали ржаныхъ козурокъ на сметанѣ; къ мѣшкамъ пристегнули лапти и сапоги, по парѣ.

— Ну, братцы, пора ужъ... Неравно поторапливайтесь. Бѣда, слышь, запоздать. Штрафы берутъ, такіе штрафы, что и казны всей нашей не хватитъ. Вотъ что! говорилъ старшина.—Вы не смотрите на Шабринскихъ: они на подводахъ ѣдутъ. Вишь, ихъ Гарьнины везутъ всѣхъ гуртомъ на фабричныхъ коняхъ!

¹⁾ Прежде, чѣмъ нѣкоторыя земства пришли къ убѣжденію (которому, впрочемъ, такъ и суждено остаться однимъ убѣжденіемъ) въ необходимости оказать бѣднѣйшимъ изъ своихъ членовъ помощь въ отправленіи повинности присяжныхъ заседателей, община крестьянская, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, уже давно успѣла очень практично, хотя и своеобразно, отвестись къ ней и принять на себя ея тяжесть на столько, чтобы по возможности сдѣлать ее менѣе отяготительной для отдѣльных своихъ членовъ. Очередная волость собираетъ сходъ, составляетъ списки для управы и вноситъ въ нихъ тѣхъ, двухнедельное отсутствіе которыхъ не можетъ привести большаго упущенія въ семьѣ, въ данное время. Затѣмъ, община беретъ на себя расходы по содержанію очередныхъ за время судебной сессіи. Харчевыя деньги выдаются въ различномъ количествѣ.

— За что-жь бы это они ихъ улажаютъ, Парфень Силычъ? любопытствовалъ Недоуздохъ.

— Ну, ужь это кто ихъ знаетъ. Не наше это, почтенные, дѣло... Да и вамъ мой приказъ: коли что ежели и прознаете, такъ молчокъ. Наше, молъ, дѣло сторона.

— Знамо, сторона... Мы по себѣ.

— Наше дѣло молчокъ. Такъ-то-сь! А то тамъ въ округѣ народъ до всего дошлый... Обчество, братцы, берегите, чтобъ за васъ отвѣту не было.

— Какъ можно обчество!... Ежели что—насъ же накажете.

— Это такъ, къ слову... Да еще присмотръ за собой ежечасно имѣйте, оглядку вокругъ себя... Ты, Лука, знаешь... Потому будете тамъ у всѣхъ на чеку, а народъ тамъ тонкій, во всемъ будетъ отъ васъ отвѣта ждать. И чтобъ намъ, почтенные, ни противъ людей, ниже противъ Господа дураками себя не оказать.

— Зачѣмъ дураками оказываться!

— Да еще, Господи сохрани, не прохарчитесь какъ ни-то на винище на подлое... Сдерживайтесь какъ можно. Деньги у насъ, братцы, не очень вольныя.

— Зачѣмъ баловаться!

— А то какъ бы намъ съ вами, судьями, послѣ не поссориться. Да и еще приказъ: коли ежели гдѣ въ трактирѣ, али въ харчевнѣ будете—всего наипаче старайтесь молчать и ни съ кѣмъ, а болѣе съ приказными, да ходоками зубы не точить.

— Слушаемъ, Парфень Силычъ.

— Ну, и Господи благослови! сказалъ старшина и, вставъ, перекрестился.

— Благослови, Царь небесный, отвѣтили пѣньковцы и тоже покрестились.

— Ну вы, судьи,—получай свои-то паспорта! крикнулъ писарь и роздалъ повѣстки.

— А чѣмъ не судьи, Хрисанфъ Потапычъ?

— Лапотники первый сортъ! лыкомъ шиты!

— Годи мало: сапоги сошьемъ, не ты одинъ въ сапогахъ ходить будешь.

— Того и жди. Съ насъ снимете да себѣ надѣнете. Кто у васъ артельный?

— Лука артельный у насъ. Онъ ходилъ въ череду, знаетъ порядки.

— На вотъ — получиай; ты принимаешь — на тебѣ и спросъ будетъ.

Лука Трофимычъ принялъ харчевыя деньги, собралъ повѣстки и вмѣстѣ на груди въ кошель завязалъ.

— Съ Богомъ. А ты, Лука, посматривай за Недоуздомъ-то, крикнулъ имъ вслѣдъ старшина: — попужайте его тамъ, братцы, судьбищемъ-то... А коли что, такъ мы его послѣ и лозой—судью-то!

Что же это за „юридическія лица“ были всѣ эти Луки, Петры, Еремѣи, которыхъ еще можно лозой вспрыскивать? Всѣ они были, прежде всего, трудолюбивые землепашцы, принадлежали къ тому велико-русскому типу, который отличается крупными чертами лица, ростомъ болѣе средняго, шагистой и нѣсколько развалистой походкой, сѣрыми или блѣдно-голубыми глазами и бѣлесовато-рыжими (двушерстными) бородами. Всѣ они больше любители говорить и слушать разныя сентенціи, въ родѣ того, на примѣръ, что „мужику баловаться нельзя; мужика за баловство знаешь какъ надо... Мужикъ, что бытъ“... Всѣ они болѣе легкѣ вѣрные художники, чѣмъ строгіе мыслители, и хотя, прежде чѣмъ на что нибудь рѣшиться или рѣшить какое нибудь

дѣло, долго носятъ съ нимъ, думаютъ, изслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, но вдругъ утомившись, бросають всѣ свои длинныя подготовительныя изысканія и произносятъ рѣшеніе, иногда совершенно противоположное всѣмъ добытымъ предварительными изысканіями результатамъ, но за то согласное съ ихъ душевнымъ настроеніемъ. Они впечатлительны; въ нихъ замѣтна склонность рѣшать дѣла „по душѣ“, а не по хитросплетеннымъ измышленіямъ. Все это кладетъ на ихъ характеръ печать добродушія. Эти общія свойства прилагались къ нашимъ пѣньковцамъ въ разнообразныхъ степеняхъ: въ одномъ преобладаетъ долгая, упорная вдумчивость, „семь разъ примѣрь“, другимъ, напротивъ, овладѣваетъ всецѣло вдохновеніе и онъ жпветъ „наиціемъ минуты“. Первый, по понятіямъ пѣньковцевъ, будетъ считаться „мужикомъ основательнымъ, правильнымъ“, второй— „неосновательнымъ“. Лука Трофимычъ извѣстенъ всѣмъ за самаго основательнаго, или иначе „обстоятельнаго“ мужика. На печь онъ никогда не завалится, не увлечется ни дѣломъ, ни бездѣльемъ; все у него идетъ ровно: есть дѣло—онъ дѣлаетъ его не то-ропясь, основательно, толково, нѣтъ дѣла—онъ ходитъ съ топоромъ вокругъ избы, въ огородѣ — тамъ стукнетъ, тутъ потешеть, въ другомъ мѣстѣ скрѣпить. И вездѣ у него крѣпко, плотно. Постороннимъ вліяніямъ поддается онъ туго, остороженъ, даже недовѣрчивъ; ходить въ высокой шляпѣ грешневикомъ. Но при всемъ томъ; съ этимъ же Лукой Трофимычемъ случилось разъ такое дѣло: облюбовалъ онъ срубъ избыной; долго всматривался въ него, долго уговаривался съ владѣльцемъ, казалось взвѣсилъ все, обдумалъ—и дѣло приходило къ концу. Но тутъ кто-то, по дорогѣ въ городъ, заѣхалъ

къ нему въ гости и, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ бы пожалуй продалъ „хорошему человѣку“ и лошадь, и упряжь, и телегу. „А что? пожалуй бы я и купилъ“, сказалъ Лука Трофимычъ: хоша мнѣ и очень нужно, да конь приглянулся, и человѣкъ-то ты хорошій“. Черезъ десять минутъ Лука Трофимычъ выложилъ половину денегъ, назначенныхъ на срубъ,—а о немъ и не вспомнилъ. Потомъ самъ же добродушно подсмѣивался и надъ собой и надъ владѣльцемъ сруба: „да вотъ поди жь ты, братецъ... кто зналъ! Вотъ мы полгода, почитай, съ тобой сговаривались, — а дѣло-то какъ вышло“... Но это нисколько не мѣшало Лукѣ Трофимычу считаться мужикомъ основательнымъ. Недоуздокъ — другое дѣло. Мужикъ онъ изъ нашихъ пѣньковскихъ очередныхъ самый младшій: ему лѣтъ 30 съ небольшимъ. Мужики говорили, что и самое „обличіе“ показывало въ немъ „необстоятельнаго“ мужика: у него русая, кудрявая, окладистая борода, широкій, открытый и вѣчно улыбающійся ротъ, постоянно показывающій бѣлые здоровые зубы; маленькіе, смѣющіеся сѣрые глаза; на русыхъ, кудрявившихся, подъ скобку волосахъ носить онъ картузь, который лежитъ на нихъ какъ на формѣ. Идетъ „обстоятельный“ мужикъ, задумчивый, сердитый, повѣся длинную бороду, посмотреть на Недоуздка — и не утерпитъ, чтобъ не сорвать: „ну чего оскалешься? Чего любо?“ А Недоуздокъ тутъ и разольется надъ нимъ самымъ добродушнымъ хохотомъ, хотя онъ прежде и не думалъ смѣяться. Репутацію „необстоятельнаго“ получилъ Недоуздокъ за свою впечатлительную и порывистую натуру и дѣйствительную „необстоятельность“ своего характера. Какъ-то ужъ совсѣмъ онъ жилъ „подъ наитіемъ“. Парнемъ онъ былъ

самый веселый, самый разбитной малый: ни одинъ вечеръ, хороводъ, посидки, свадьба не обходились безъ него; его всегда приглашали въ дружки, такъ какъ никто не умѣлъ заразить всѣхъ такимъ добродушнымъ весельемъ. „И рожа-то у него, что у скомороха“, говорили обстоятельные мужики. А скоморохъ, когда ему минулъ 19-й годъ, встрѣтился съ однимъ купцомъ. Купецъ этотъ былъ полу-идіотъ, полу-аскетъ, постоянно ходилъ въ церковь, ставилъ свѣчи, крѣпко стучалъ лбомъ въ кирпичный полъ; на суставахъ пальцевъ на рукахъ и на колѣнахъ образовались у него большіе мозолистые наросты отъ поклоновъ. Это поразило Недоуздка, онъ сошелся съ нимъ — и скоро нельзя было узнать парня; бросилъ пирушки, дѣвокъ, хороводы, даже свою возлюбленную, которая съ отчаянія скоро сошлась съ другимъ, — и сталъ „церковникомъ“: читалъ псалтирь, звонилъ въ колокола, цѣловалъ у попа руку и раздувалъ кадило; сталъ поститься, много молиться. Купецъ собирался идти въ монастырь, и Недоуздокъ собирался „посвятить себя Богу“. Купецъ дѣйствительно ушелъ въ монастырь, а Недоуздокъ сейчасъ же послѣ этого вернулся къ пирушкамъ, къ хороводамъ и какъ ни въ чемъ не бывало потребовалъ своихъ правъ: и отъ свадебъ, и отъ сверстниковъ, и даже отъ своей возлюбленной, которую принудилъ выйти за себя замужъ, отчего и устроилъ не очень красивую семейную жизнь. Онъ не могъ себѣ представить — почему она его могла разлюбить. У нихъ по началу шли съ женой такіе разговоры: „Ориша, скажетъ Петръ:—подъ суды... Сядь... Ну вѣдь ты врѣшь, что ты меня разлюбила? А? Врѣшь вѣдь?“— „Мнѣ что-ка! запѣваетъ Ориша:—все одно: ты мнѣ мужъ.“— „У—дура! Поди прочь!“ Онъ сталъ меч-

тать, какъ бы ему жениться на другой, а эту жену отдать своему сопернику, допрашивался, нѣтъ ли такихъ подходящихъ законовъ, но ихъ не оказалось. „Умретъ— тогда женись, говорили ему: вотъ тебѣ и всѣ законы— располагайся.“ Но Петръ не хотѣлъ смерти жены. Впрочемъ, мало ли что могло случиться „подъ наитіемъ“ и что могла надѣлать поселившаяся въ головѣ мысль. Онъ мечталъ уйти куда нибудь, взять у старосты свидѣтельство, что жена умерла, и жениться на другой и пр. Но тутъ дѣла повернулись неожиданно: кто-то сказалъ ему, что житье на фабрикахъ веселое и привольное. Онъ, не долго думая, бросилъ хозяйство, жену и ушелъ. Мотался по фабрикамъ года два; шлялся по кабакамъ, игралъ на балалайкѣ, пилъ, плясалъ трепака. Онъ забывъ объ женѣ, та объ немъ. Она оказалась ловкой бабой: забрала хозяйство въ руки, взяла батрака и вмѣстѣ съ нимъ „подымала“ землю. Но вдругъ пришелъ Петръ и потребовалъ признанія всѣхъ своихъ на время отчужденныхъ правъ, „къ закону вернулся“, какъ говорили мужики: сдѣлался степеннымъ, разсудительнымъ, хозяйнымъ мужикомъ. Только свои и знали, какъ онъ заставлялъ и жену „вернуться къ закону“.

Лука Трофимычъ и Недоуздокъ шли впереди. За ними слѣдовали прочіе „хозяйные и правильные мужики“. Только Омушка (по списку Ома Оминъ), это воплощенное смиреніе, плелся сзади всѣхъ.

Шли присяжные бойкимъ и частымъ шагомъ, молча. Верстъ за пять отъ волости, сиверкомъ понесло съ полей. Дорогу стало замечать, словно мучной пылью, мелкимъ снѣгомъ. За полушубки, за воротники пробивала стужа къ тѣлу. Пройдя верстъ семь, путники остановились.

— Ишь ты какъ, братцы, заметаеть. Того и жди, что разыграется....

— Вьюжить.. Кафтанишко-то, парни, у меня не очень чтобъ хорошо приспособленъ. Дырявить! печалился Омушка.

— Когда бъ засвѣтло въ слободу поспѣть.

— Гдѣ поспѣть? Сугробно.

— На печь бы, братцы, важно теперь, али бы на полати забратъся, мечталъ Недоузлокъ.—А то, глянь, какая подымается мятлица. Неравно закоченѣешь. Валенки-то, вишь они, поистерлись. Хорошіе-то женѣ покинуть. Жалко стало,—истаскаю, думаю.

— Всѣ мы тоже не очень чтобъ въ какіе заморскіе мѣха-то разодрѣты. Экъ вѣдь Господь наславъ за грѣхи наши. Хотъ бы пообождать денекъ-другой.

— Нельзя. У судей все по строкамъ.

— И то. Не застаивайся, братцы. Не хорошо въ зкую Божью волю.

Присяжные обернули головы платками и опять бойко двинулись впередъ.

Снѣга наносило все больше и больше. Хотя времени было еще немного, но становилось замѣтно темнѣе. Лѣсъ вдали зачернѣлъ. По вѣтру волчій вой донесся. Влѣво стали показываться едва замѣтныя придорожныя елки.

— Вонъ путина-то. Способнѣй теперь будетъ идти-то. Трактъ многоѣзжій, замѣтилъ кто-то.

По большой почтовой дорогѣ идти стало легче; но и она была пустынна: никто не обгонялъ ихъ. Вотъ кто-то гдѣ-то свиснулъ. На свистокъ еще отвѣтили. Присяжные пошли ужь не гусемъ, а кучей.

— Это онъ балуется. Любитъ онъ экую пору, замѣ тиль одинъ Еремѣй.

— Нѣтъ, это не онъ. Это̄ овражники, сказалъ Лука Трофимычъ.

— Много, слышь, ихъ здѣсь.

— Много. Фабрики все кругомъ. Народъ баловень... Народъ-оттябель кругомъ ихъ селится. Днемъ-то ихъ не видать, а вотъ по ночамъ такъ знатно закучиваютъ. По слободѣ у нихъ, какъ ночь, — такъ и пойдетъ гульба. По-запрошлымъ годомъ такого молодца мы судили. Раз-сказалъ всего. Много, говорить, насъ. Другой разъ, говорить, на фабрикѣ-то мѣсяца по два расчета не даютъ, а то безъ муки сидимъ. Ну, и собираемся въ слободу. А тамъ есть коноводы такіе: сейчасъ это тебѣ водки дадутъ на голодное-то брюхо. И денегъ предложить, только, говорятъ, по ночамъ на дорогу выходи. И идемъ, говорятъ, — кто въ сигнальщики, кто въ досмотрщики кто въ передатчики.....

Въ это время кто-то промчался верхомъ, обогналъ ихъ, круто осадилъ лошадь, оглянулъ молча, свиснулъ и, обернувшись назадъ, скрылся въ кустарникъ.

— Это, должно, изъ нихъ? Досмотрщикъ.

— Они насъ не тронуть, замѣтилъ Недоуздокъ.

— Что такъ?

— Не тронуть. Мы — судьи.

— А почему имъ знать?

— Какъ не знать! Кто въ эту пору изъ пѣшиходовъ гурьбой ходить кромѣ насъ! Богомолы по зимамъ не ходятъ; на заработки тоже не ходятъ, а коли и ходятъ, такъ въ экую пору по своей волѣ не пойдутъ, — не срочные.

— Это такъ. А что-жъ бы имъ насъ и не тронуть. Развѣ они насъ боятся?